

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(479.1):930.1

А. С. Аникеев

СОВРЕМЕННАЯ СЕРБСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СТАНОВЛЕНИИ ЮГОСЛАВСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ¹

В статье рассматривается проблема формирования югославской внешней политики Югославии после возникновения советско-югославского конфликта в 1948 в освещении югославской и современной сербской историографии. Конфликт стал водоразделом во внешней политике югославского государства: дружеские и союзнические отношения с СССР и странами советского блока сменились враждебностью, которая заставила Белград обратиться за экономической, а затем военной и политической помощью и поддержкой к Западу, в первую очередь к США. В первые послевоенные годы, югославское руководство стремилось поставить свою страну в центр балканской политики, занять лидирующие позиции в коммунистическом движении в регионе, что вызывало непонимание и раздражение, как в Кремле, так и в сопредельных государствах. Официальная, партийная картина послевоенной истории Югославии и интерпретация ее внешней политики, представленная в работах Й. Броз Тито, Э. Карделя, М. Пьяде, С. Вукмановича-Темпо, дипломата Л. Матеса и других, почти полностью воспроизводилась в югославской историографии 1960 – 1980-х годов. Наиболее последовательно отстаивали официальное представление об «автохтонном» характере югославской внешней политики такие историки как Б. Тадич, М. Стойкович,

В. Гавранов, С. Стоянович, подчеркивавшие, что в 1948 году произошло закономерное столкновение самостоятельной и свободной марксистской теории, и практики с государственно-бюрократическим социализмом. Корни политики неприсоединения в такой версии исторической ретроспективы хронологически располагаются в первых послевоенных годах, а если точнее в июне 1945 года, когда произошел известный кризис вокруг Триеста. С началом распада социалистической Югославии возникает процесс переоценки, прежде всего сербскими историками, прежних историографических тезисов, базировавшихся на партийных установках. В работах Д. Богетича (не сразу), И. Чавоски, Д. Бонджича, С. Селиничича, Дж. Трипковича, А. Животича, Л. Димича происходил поворот от героической, партийной традиции в описании и анализе внешней политики, ее внеблоковой составляющей, к ее критическому осмыслению, отказу от пропагандистского описания происходивших процессов.

Ключевые слова: Югославия, советско-югославский конфликт 1948 года, югославская историография внешней политики социалистического периода, политика неприсоединения, И. Броз Тито, СССР, США и югославская внешняя политика, современная сербская историография.

А. Anikeev

CONTEMPORARY SERBIAN HISTORIOGRAPHY ON THE FORMATION OF THE YUGOSLAV NON-ALIGNMENT POLICY

The article deals with the problem of the formation of Yugoslav foreign policy after the emergence of the Soviet-Yugoslav conflict in 1948 in the coverage of Yugoslav and modern Serbian historiography. The conflict became a watershed in the foreign policy of the Yugoslav state: friendly and allied relations with the USSR and the countries of the Soviet bloc gave way to hostility, which forced Belgrade to seek economic, and then military and political help and support to the West, primarily to the United States. In the first post-war years, the Yugoslav leadership sought to put its country in the center of Balkan politics, to occupy a leading position in the communist movement in the region, which caused misunderstanding and irritation both in

the Kremlin and in the neighboring states. The official party picture of the post-war history of Yugoslavia and the interpretation of its foreign policy as presented in the works of J. Broz Tito, E. Kardel, M. Piade, S. Vukmanovich-Tempo, career diplomat L. Mates and others, was almost completely reproduced in the 1960-1980s Yugoslav historiography. Such historians as B. Tadich, M. Stoykovich, V. Gavranov, S. Stoyanovich emphasized that in 1948 there was a logical clash of independent and free Marxist theory and practice with state bureaucratic socialism. The roots of non-aligned politics in this version of historical retrospective are chronologically located in the first post-war years, and more precisely in June 1945, when there was a well-known crisis

¹ Статья подготовлена, при поддержке РФФИ: проект № 18-09-00573 «Москва и Восточная Европа. Югославская модель социализма и страны советского блока. 1950–1960-е гг.».

around Trieste. With the beginning of the collapse of socialist Yugoslavia, a process of reappraisal, first of all by Serbian historians, of the old historiographical theses based on party attitudes. In the works of D. Bogetic (not immediately), I. Chavoski, D. Bondzhich, S. Selinich, J. Tripkovich, A. Zhivotich, L. Dimich there was a turn from the heroic, party tradition in the description and analysis of foreign policy, its non-aligned component, to its critical reflection,

Внешняя политика послевоенной Югославии отчетливо делилась на два периода: до 1948 г. и после. Еще до окончания Второй мировой войны Югославия, в которой к тому времени в ходе освободительной и гражданской войны власть постепенно переходила к коммунистам, становится одним из активных членов формирующегося советского блока. Характерной чертой югославской политики первых послевоенных лет был революционный радикализм в постановке текущих задач и методах их решения, связанный в первую очередь с проблемой определения послевоенных границ. Триестский кризис 1945 г., завышенные территориальные требования к Австрии, планы создания Балканской федерации с возможным включением в нее греческой Эгейской Македонии, вызывали непонимание соседей и раздражение не только на Западе, но и в Москве. Попытки югославского руководства поставить свою страну в центр балканской региональной политики, вызвали серьезное обострение отношений со своим главным спонсором и покровителем Советским Союзом, в планы которого не входила поддержка амбициозных планов своего союзника за счет собственных интересов в регионе и ухудшения отношений с США. Возникшее к началу 1948 г. напряжение между Москвой и Белградом, который отказался признать инкриминируемый ему идеологический отход от марксизма, завершилось к осени 1949 г. почти полным разрывом партийных и государственных связей не только между двумя странами, но и отношений Югославии со странами советского блока. Сложившаяся ситуация заставляла югославское руководство срочно предпринимать шаги для преодоления экономической и политической изоляции. Единственным выходом в тех условиях было обращение к Западу, с которым в предыдущие годы отношения были серьезно испорчены. Важным моментом являлось то обстоятельство, что перед Тито и его соратниками стояла задача регулировать процесс нормализации отношений с США и их союзниками таким образом, чтобы не зайти слишком далеко, сохранив социалистические завоевания. Поскольку восстанавливать отношения с Западом югославскому руководству приходилось под пристальным вниманием Москвы, оно постаралось проводить такую политику максимально скрытно, хотя это было не просто. Именно в рамках данной коллизии располагались основные мотивы поиска Белградом нового внешнеполитического курса, который, на первом этапе позволил бы ему, восстанавливая, в первую очередь, отношения с

rejection of the propaganda description of the processes taking place.

Key words: Yugoslavia, the Soviet-Yugoslav conflict of 1948, Yugoslav historiography of the foreign policy of the socialist period, non-alignment policy. I. Broz Tito, the USSR, USA and Yugoslav foreign policy, modern Serbian historiography.

США, выйти из изоляции, но, при этом, не слишком раздражая Кремль.

Для большей части работ югославских авторов, главным образом, политологических, появившихся в 1960–1980-е годы, в которых рассматривался период постконфликтной истории Югославии, была характерна почти прямая трансляция официальной концепции внешней политики, построенная на тезисах из статей и публичных материалов партийных лидеров И. Броз Тито, Э. Карделя, М. Пияде, С. Вукмановича-Темпо, Л. Мойсова и других. Югославский историк Б. Тадич в своей книге, в частности, говорит о том, что югославская политическая мысль, получив такие серьезные материалы для разработки проблем, связанных с политикой неприсоединения как Программа Союз коммунистов Югославии (СКЮ), документы центральных партийных органов, выступления И. Броз-Тито и работы Э. Карделя, все еще недостаточно внимания уделяет изучению этого вопроса [8, с. 153]. В различных работах, выступлениях, интервью И. Броз-Тито, указывалось на формирование концептуальных основ югославской внешней политики еще в годы народно-освободительного движения, а также говорилось об особом пути развития Коммунистическая партия Югославии (КПЮ), подчеркивалась ее самостоятельность и независимость в международном коммунистическом движении в межвоенный период и особенно накануне войны. Еще одним источником, предлагавшимся в качестве ориентира при подготовке исследований по внешней политике Югославии, были и работы Э. Карделя. В книге «Исторические корни неприсоединения», проводилась мысль о том, что существует ряд общих черт в процессах, происходивших в Югославии в годы народно-освободительной борьбы и революции, и тех явлениях, которые наблюдались в афро-азиатских странах в ходе их освобождения от колониальной зависимости. То есть, следуя этой логике, 1948 год был для Югославии временем освобождения от советской зависимости. Наиболее последовательно учитывали партийную линию в описании югославской политики такие авторы как М. Стойкович, В. Гавранов, С. Стоянович и ряд других историков и политологов. Основная тенденция, которая доминировала в их работах, определялась попыткой преодолеть 1948 г. как реальный рубеж в развитии послевоенной Югославии и вписать его в контекст «аутентичного» развития КПЮ с 1937 г., а затем и нового югославского государства с 1943 г. Согласно С. Стояновичу, в 1948 г. произошло естественное

и закономерное столкновение «свободно и самостоятельно развивающейся марксистской теории и практики с государственно-бюрократическим социализмом» [1, с. 8, 24–25]. Бывший дипломат, посол Югославии в США в начале 1960-х гг., Лео Матес в 1970-е гг. выпустил несколько книг по проблеме возникновения политики неприсоединения, которые считаются основополагающими в югославской литературе о неприсоединении. Идея преемственности, континуитета, революционной традиции во внешнеполитическом курсе Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) проходит красной нитью через все работы автора. Одним из его тезисов было утверждение, что югославское руководство в послевоенные годы всегда стремилось выстраивать равные, сбалансированные отношения со своими союзниками, стремилось в ряде случаев не обострять отношений с США и Великобританией, даже в период тесного сотрудничества с СССР и странами народной демократии. Белград желал, чтобы отношения со всеми союзниками были равными, не допуская доминирующего влияния ни одного из них. В качестве примера он приводит Триестский кризис 1945 года, когда «ни одна из сторон не была заинтересована в том, чтобы Советский Союз выступил здесь в качестве арбитра» [7, с. 120–121]. В этой же работе вопрос становления югославской внешней политики он связывает с идеями самоуправления, которые, по его мнению, вместе с «концепциями освободительной борьбы и полемики со сталинизмом явились ее основой» [7, с. 32–33].

Первые годы после разрыва отношений с СССР он называет, что характерно также и для некоторых других работ югославских авторов, периодом борьбы на два фронта, против Востока и Запада, который оказывал давление на Югославию, в частности в вопросе о Триесте. Лишь последовавшие за этим годы установления тесных отношений с США и их союзниками, а затем и нормализации отношений с СССР, после смерти Сталина, Л. Матес определяет в качестве начального периода становления югославской политики неприсоединения. Хронологически это связано и с тем, как считает автор, что сразу же после разрыва Югославия, оказавшись почти в полной изоляции, являвшейся единственной альтернативой капитуляции перед Востоком или Западом, объективно не могла в конце 1940-х, начале 1950-х гг. ассоциировать себя с группой стран, которые бы прокламировали политику неприсоединения. В Европе всего несколько стран придерживались нейтралитета, и они не рассматривались в Белграде в качестве перспективных союзников, а такие страны как Индия, Бирма, Индонезия и ряд других, которые только освободились от колониальной зависимости, еще не приступили, как считает Л. Матес, к разработке своих внешнеполитических концепций. Он указывает на выступление Э. Карделя в 1950 г. в ООН, в связи с началом войны в Корею, в котором были сформулированы новые принципы демократизации международ-

ных отношений, направленные против доминирования одной или другой силы, что выдвинуло Югославию «на мировую арену в качестве протагониста новой системы отношений в мире» [7, с. 123].

Драган Богетич, один из главных исследователей югославской послевоенной внешней политики, в своей книге «Корни югославской приверженности неприсоединению», вышедшей в 1990 г. также как и остальные авторы ищет их в межвоенном периоде, в отношениях КПЮ и Коминтерна, отмечая, что процесс эмансипации от контроля этого органа и ВКП(б) продолжился и в годы Второй мировой войны, а образование АВНОЮ подготовило основу для реализации полной свободы и независимости новой Югославии [3, с. 79–80]. Возникновение новой югославской внешнеполитической ориентации, в контексте отношений с Советским Союзом автор считает, вслед за Л. Мойсовым и Б. Петрановичем, результатом действия двух взаимосвязанных факторов-особенностей югославской революции и воздействием конфликта с Информбюро [3, с. 110–112]. Д. Богетич вслед за этим цитирует Мойсова, Тито и Карделя, которые говорили о том, что партийное руководство еще раньше видело, что югославская внутренняя и внешняя политика не соответствует представлениям Сталина, но, несмотря на разногласия и критику, никогда не думало, что это поставит под вопрос двустороннюю идеологическую и политическую близость [3, с. 113–114]. Наступившее столкновение стало точкой отсчета в постепенном развитии новой концепции внешней политики.

В последнее двадцатилетие работ специально посвященных разработке проблемы возникновения югославской политики неприсоединения не появилось, но в отдельных монографиях и статьях сербских авторов этот вопрос затрагивается. Стала почти незаметной отсылка к истории югославской компартии, ее противодействию сталинскому давлению на Югославию в первые послевоенные годы и героической борьбе на два фронта после 1948 года как основным факторам становления политики неприсоединения. Значительно уменьшилось количество ссылок на работы Тито, Карделя и других партийных лидеров, пропагандистскую литературу 1960–1980-х годов, стали активно использоваться архивные материалы.

В 2000 году Д. Богетич выпустил книгу «Югославия и Запад 1952–1955», посвященную периоду, когда югославское руководство, оказавшись в политической и экономической изоляции после разрыва с советским блоком, приняло решение о сотрудничестве с США и их союзниками. Автор отмечает, что это было сложное решение, во многом вынужденное, но давшее возможность стране избежать экономического коллапса. Югославские коммунисты должны были одновременно преодолеть мощное давление, направленное на включение страны в НАТО, требование либерализации режима. Д. Богетич описывает эту сложную коллизию как возможность для югославского руководства обратиться к поиску политики, кото-

рая позволила бы, в условиях начавшейся нормализации с Советским Союзом, сохранить отношения и с Западом. Так происходило зарождение политики равноудаленности (эквидистанции) в отношениях между двумя блоками на фоне растущих контактов с афро-азиатскими странами [2, с. 232, 252–253]. Спустя десять лет выходит его совместный труд с А. Животичем об отношении Югославии к арабо-израильской войне 1967 г., где говорится о том, что с 1953 г. Югославии все ближе становится мысль о необходимости дистанцироваться от каких-либо блоков. Чтобы избежать давления с Запада и Востока Югославия должна была найти новых союзников. «По логике системы элиминации это могли быть только освободившиеся афро-азиатские внеблоковые страны». Тесные связи с арабскими странами, в частности, как отмечают авторы, становятся прочной основой югославской политики «активной и миролюбивой коэзистенции» [4, с. 7–8].

И. Чавоски в своей работе о позиции Югославии в отношении китайско-индийского конфликта в 1959–1962 гг., отмечает, что Югославия в годы холодной войны играла в мировой политике роль несоизмеримую с ее демографическим и экономическим потенциалом, опираясь в биполярном мире на свою политику равноудаленности, постепенно «выстраивала свой глобальный имидж». Отмечая выдающуюся роль Дж. Неру в становлении движения неприсоединения, И. Чавоски говорит о том, что Индия был той страной, которая дала Югославии возможность познакомиться со всеми азиатскими проблемами и использовать их в формировании своего внешнеполитического курса [6, с. 13–14]. Можно добавить, что руководство Индии, как и ряда других стран юго-восточного региона дали Белграду возможность войти в формирующийся «нейтралистский клуб» этих государств, где Югославия, спустя несколько лет, опираясь на тактику «энтризма», заняла свое место с концепцией «активного миролюбивого сосуществования». Образ Югославии как страны, освободившейся от зависимости Москвы, должен был сблизить ее, в представлениях югославской внешнеполитической пропаганды, со странами Востока, получившим независимость от колониальных держав.

Сербские историки Д. Бонджич и С. Селинич в своей статье о взгляде из Белграда на Бандунгскую конференцию 1955 г., отмечают, что формирование новой внешнеполитической концепции в условиях блокового противостояния холодной войны, в начале 1950-гг происходило в

ООН при участии югославских дипломатов. Они рассматривают проблему возникновения политики неприсоединения в контексте последующих событий, связанных с нормализацией отношений с СССР и сателлитами после смерти Сталина в 1953 году. Поскольку к этому времени Югославия уже достигла высокого уровня сотрудничества с США и западными странами, попытки Кремля вернуть ее в «социалистический лагерь» вызывали только сопротивление и обратную реакцию. Именно в этот период происходит становление новой югославской политики, суть которой состояла в стремлении поддерживать равные отношения, как с Востоком, так и с Западом [5, с. 71–72].

Дж. Трипкович, в своей работе, посвященной отношениям Югославии с СССР в 1956–1971 годах, касаясь вставшей перед югославским руководством в первой половине 50-х годов проблемы определения внешнеполитических приоритетов, отмечает, что для социалистической страны сложившаяся односторонняя ориентация на Запад, представляла известную угрозу монополии власти коммунистической партии и самого Тито. В связи с этим, по его мнению, нормализация отношений с СССР предоставляла югославскому лидеру и правительству возможность выхода из определенной внешнеполитической изоляции [9, с. 5–6].

В статье о югославской политике балансирования между сверхдержавами, рассматривая проблему возникновения политики баланса (равноудаленности) от двух блоков, которой Югославия стала придерживаться с середины 50-х годов, он указывает, что она позволила Тито сохранить нормальные отношения с советским руководством после смерти Сталина и не ухудшить отношения с США, «ключевым внешнеполитическим фактором», которые помогали ему выстоять в борьбе со Сталиным, а также сохранить независимую позицию Югославии на международной арене, без угрозы социалистической системе и его личной власти в стране [10, с. 123].

Таким образом, в последние годы в сербской историографии внешней политики социалистической Югославии произошел заметный отход от традиционных пропагандистских представлений об истоках и причинах ее формирования. В работах, как известных историков, так и молодых исследователей стал доминировать объективный позитивистский подход к анализу происшедших явлений, с опорой на широкую архивную источниковую базу, отказ от следования традиционным штампам официальных работ и мемуаристики.

Источники и литература / References

1. Стоянович С. Титовская концепция внешней политики // Социалистическая мысль и практика. 1984. №5. С. 8–25. Stoyanovich S. Titovskaya koncepcija vneshnej politiki (*Tito's foreign policy concept*) // Socialisticheskaya mysl' i praktika. 1984. No.5. P. 8–25.
2. Bogetić D. Jugoslavija i Zapad. Beograd: Službeni list SRJ. 2000. 269 с.
3. Bogetić D. Koreni jugoslovenskog opredeljenja za nesvrstanost. Beograd: Institut za savremenu istoriju. 1990. 256 с.
4. Bogetić D., Životić A. Jugoslavija i arapsko-izraelski rat. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2010. 230 с.
5. Bondžić D., Selinić S. Pogled iz Beograda na Bandunšku konferenciju 1955 godine // Istorija 20 veka. 2008. No.1. С. 71–84.

6. Čavoški J. Jugoslavija I kinesko-indijski konflikt 1959–1962. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2009. 285 c.
7. Mates L. Međunarodni odnosi socijalističke Jugoslavije. Beograd: Nolit, 1976. 310 c.
8. Tadić B. Specifičnosti jugoslovenskog doprinosa nastanku i razvoju nasvrstanosti. Beograd, 1982.
9. Tripković Đ. Jugoslavija-SSSR 1956-1971. Beograd: Međunarodni odnosi. 2013. 316 c.
10. Tripković Đ. Titova politika balansa prema supersilima 60-g. XX veka // Tokovi istorije. 2011. No. 2. C.123.

Сведения об авторе

Аникеев Анатолий Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела мировых войн и революций XX века Института славяноведения РАН (Москва) / dav-bowie@rambler.ru

Information about the author

Anikeev Anatolii – PhD in history, Senior researcher, Department of World Wars and Revolutions in the XXth Century, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences / dav-bowie@rambler.ru